

ОТЗЫВ
НА АВТОРЕФЕРАТ ДИССЕРТАЦИИ НА СОИСКАНИЕ
УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ КАНДИДАТА ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК
КОВЕЛЯ ВАЛЕРИЯ ВАЛЕРЬЕВИЧА «М.Н. ТИХОМИРОВ И ЕГО
НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ: РАЗВИТИЕ НАУЧНЫХ КОНЦЕПЦИЙ И
ВЛИЯНИЕ ПОЛИТИКО-ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО ФАКТОРА»
(СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 07.00.09 – ИСТОРИОГРАФИЯ,
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО
ИССЛЕДОВАНИЯ)

Крупный советский историк, академик АН СССР М.Н. Тихомиров после своей смерти не был обделен вниманием историографов. Перипетиям его творческого пути посвящены десятки статей, монография (Е.В. Чистяковой), а ныне этот список пополнился еще и диссертационным сочинением В.В. Ковеля. Наличие обширной историографии серьезно осложняло работу диссертанта, чье исследование должно быть не просто актуальным, но и содержащим новые концептуальные выводы. Полагаем, В.В. Ковеля с честью справился с этой задачей.

Что же отличает диссертацию В.В. Ковеля от предшествовавших ей работ? Какие черты этого исследования позволяют говорить о нем как о самостоятельной, оригинальной работе?

Во-первых, автор рассматривает творчество своего персонажа в тесной связи с политико-идеологической атмосферой эпохи, трансформацией организационных основ исторической науки, бытом советских историков. Труды ученого, перестав быть «герметично запакованными», замкнутыми на самих себе, зазвучали по-новому, будучи включены в социокультурный контекст своего времени. Детали биографии историка, его личная жизнь становятся не менее важны, чем выход очередной работы, рассказ о них не просто органично вплетается в повествование, но дает ключ к пониманию того, что происходило с творчеством М.Н. Тихомирова. Так, например, длительный отрыв от научных институций и проживание вдали от московских и петроградских (ленинградских) архивов породил обращение ученого к краеведческим изысканиям, что в итоге в дальнейшем определило его интерес к историко-географической тематике, прослеживающейся в более поздних работах (вплоть до «России в XVI столетии»). В.В. Ковеля очерчивает круг учителей М.Н. Тихомирова, определяет характер их влияния на молодого ученого. Характерны и попытки определить его покровителей среди ученых (Б.Н. Тихомиров, Б.Д. Греков) – впрочем, они слабо отражены в тексте автореферата и лучше прослеживаются в самой диссертации. Необходимо в этой связи отметить и массу чрезвычайно информативных источников личного происхождения (переписка, дневники, воспоминания – принадлежащие перу как самого М.Н. Тихомирова, так и его коллег), выявленных и использованных диссертантом в своем исследовании. Именно

они как нельзя лучше характеризуют тот микроисторический уровень повседневного бытия, в который был погружен историк.

Во-вторых, творчество М.Н. Тихомирова рассматривалось В.В. Ковеля в динамике, постоянном становлении и трансформации. Так, наравне с печатными изданиями трудов историка в диссертации используются черновые рукописи, оставшиеся неопубликованными исследования, наброски и планы неосуществленных работ. Чрезвычайно ценной в методологическом плане находкой В.В. Ковеля стало сравнение нескольких вариантов одной и той же работы (сочинение о Псковском восстании 1650 г., учебник по источниковедению, «Древнерусские города»). Их сопоставление позволило наиболее наглядно проследить изменения в воззрениях их автора.

В-третьих, В.В. Ковеля фактически стал первым, кто подверг обстоятельному анализу методологические пристрастия своего героя. Центральным достоинством его диссертации стал отказ от отнесения М.Н. Тихомирова к числу марксистских историков исключительно на основании употребления в его работах марксистской терминологии и формального (публичного) отнесения себя к таковым. Появляется идея того, что в трудах ученого, вынужденного существовать в условиях жесткого идеологического диктата государства, помимо собственных идей и мыслей могут присутствовать «инородные включения», навязанные ему извне. В.В. Ковеля пытается выявить эти включения и определить, насколько органично они располагались в общей картине мира М.Н. Тихомирова. Большую ценность имеет и отказ диссертанта от жесткого противопоставления дореволюционной и советской историографии, вывод о близости позитивистской и марксистской методологии, которая и позволила сравнительно успешно встроиться в новые советские реалии представителям «старого» поколения историков (и их продолжателям). Стоит, впрочем, отметить, что В.В. Ковеля далеко не первый, кто высказал подобные идеи (так, например, Д.М. Володихин еще в 1996 г. в одной из своих статей писал о феномене «марксо-позитивизма», см.: Володихин Д.М. Очерк методологии А.А. Зимина // Вестник Университета РАО. 1996. № 1. С. 30-47), но в его работе они получили развернутое обоснование на богатом эмпирическом материале.

Все вышеуказанное не означает, что представленная к защите диссертация свободна от каких-либо ошибок и недостатков.

Так, с тонким и оригинальным анализом материала ярко диссонирует чрезвычайно упрощенный методологический раздел работы. Определяя жанр своего исследования как «интеллектуальную биографию», В.В. Ковеля считал возможным обойтись лишь ссылкой на определение Л.П. Репиной, оставив без должного внимания работы А.М. Неймана, П.А. Алипова, В.В. Ващенко, Т.Н. Поповой. Ничего не сказано о методологических наработках такого направления науки, как персональная история. Увы, не нашли своего отражения в тексте автореферата (и диссертации) концепты, разработанные в

рамках «истории идей» А. Лавджоя, «насыщенного описания» К. Гирца, «поля науки» П. Бурдые, теории интеллектуальных сетей Р. Коллинза. Возможно, стоило бы высказать и свое отношение к термину «историографический источник» в связи с работами С.И. Маловичко и М.П. Румянцевой. Безусловно, отсутствие развернутой методологической рефлексии (как во «Введении», так и в основном тексте автореферата и диссертации) обеднило проделанную работу.

Как уже говорилось выше, В.В. Ковеля старательно «погружает» жизненный путь своего героя в политико-идеологических контекст эпохи. Однако он при этом крайне редко обращается к литературе, посвященной состоянию исторической науки в 1920-1960-е гг. В историографическом разделе «Введения» в автореферате они не упоминаются. Это можно было бы списать на желание более полно представить собственно биографические исследования о М.Н. Тихомирове в условия жестких ограничений на объем автореферата, но и в тексте диссертации упомянуты лишь хрестоматийные «Очерки истории исторической науки СССР» и монографии А.М. Дубровского и В.В. Тихонова. Столь редкое обращение к подобного рода обобщающим трудам попросту противоречит основной линии исследования, выглядит нелогично и странно. В особенности же это заметно, когда речь заходит о послевоенных идеологических кампаниях. В.В. Ковеля, как то следует из текста автореферата и диссертации, видит в них главным образом попытку усилить идеологический контроль над наукой и борьбу с не относящимися к ортодоксально-марксистским научными построениями (в том числе и представителей «буржуазно-дворянской» историографии»). На деле, однако, это более сложное явление, предполагавшее одновременно и некоторое сближение с идейными принципами дореволюционных историков (в частности, усиление государственной и даже националистической риторики, отход от интернационалистической линии и т.д.). Полагаем, далеко не все эти трансформации должны были вызывать внутреннего отторжения у М.Н. Тихомирова.

В тесной связи с предыдущим замечанием следует отметить и то, что в работе отдельным пунктом не рассматриваются политико-идеологические пристрастия самого М.Н. Тихомирова. В автореферате этот вопрос остался без освещения, в диссертации он реализуется только через единичные экскурсы в него, которые сами по себе не могут создать цельной картины воззрений этого человека. Однако обращение к этой проблеме могло бы сделать более объемной, многоплановой картину встраивания ученого в советскую действительность, которая (на наш взгляд) не сводилась к простой мимикрии, приспособлению своих интеллектуальных построений к требованиям «сверху». К сотрудничеству с властью его помимо желания выжить – физически и профессионально – могли вести и соображения государственнического и патриотического характера. Вполне вероятно предположить, что он с воодушевлением мог воспринять и произошедший в

середине 1930-х гг. идеологический поворот, тем более, что он привел к восстановлению преподавания истории. Вероятно, более сложным было и его отношение к послевоенным идеологическим кампаниям.

Несмотря на сделанные нами замечания необходимо заметить, что они относятся к отдельным выводам и аспектам исследования, а потому не отменяют ценности диссертации в целом.

Автореферат и многочисленные публикации В.В. Ковеля в полной мере отражают содержание диссертации.

Диссертационная работа представляет собой законченное и самостоятельное научное исследование, соответствует требованиям п. 9 Положения о присуждении ученых степеней. Ковеля Валерий Валерьевич заслуживает присуждения ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.09 «Историография, источниковедение и методы исторического исследования».

Кандидат исторических наук,
ведущий археограф отдела публикации
и научного использования документов
ГУ «Объединенный государственный
архив Челябинской области»

М.А. Базанов

Торкиев М. А. Базанова заверяю.
Заместитель директора
ГУ ОГАЧО

С. Р. Ардашова

19.12.2016.

Государственное учреждение «Объединенный государственный архив
Челябинской области» (ГУ ОГАЧО);
Россия, 454000, Челябинская область, г. Челябинск, ул. Коммуны, д. 87/89;
тел.: +7 (351) 796-38-44;
e-mail: info@archive74.ru